

Козлова Мария Владимировна

КОНЦЕПЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ГЕРМЕНЕВТИКЕ Х.-Г. ГАДАМЕРА: ЯЗЫК КАК ОПЫТ МИРА

В статье рассматривается вопрос о языке в философии Ханса-Георга Гадамера. Новизна рассматриваемой темы состоит в том, что автор уделяет внимание такому малоисследованному вопросу как статус поэтического языка в философской герменевтике. Автор приходит к выводу о том, что Гадамер понимает язык как свершение герменевтического опыта (а не инструмент для передачи информации), предельным случаем которого оказывается язык лирического стихотворения благодаря таким особенностям как телесность и самореференциальность поэтического слова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. С. 100-104. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

POLITICAL PARTIES ACTIVITY WITHIN MODERN REPUBLIC OF MORDOVIA TERRITORY (1900-1907)

Kistanov Sergei Vasil'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
N. P. Ogarev Mordovia State University
kistanov-viz@yandex.ru

The article considers the activity of opposition and pro-government political organizations within the territory of the modern Republic of Mordovia in 1900-1907. Special attention is paid to different forms of party organizations actions in relation to authorities and population that determined their role in the revolutionary events of the beginning of the XXth century within the Mordovian territory. The author emphasizes the leading character of the socialist revolutionary party during the first Russian revolution, as well as the limited nature of actions undertaken by social democrats, cadets and monarchists.

Key words and phrases: socialist-revolutionaries; social democrats; cadets; monarchists; revolution; agitation; terror.

УДК 111:7

Философские науки

В статье рассматривается вопрос о языке в философии Ханса-Георга Гадамера. Новизна рассматриваемой темы состоит в том, что автор уделяет внимание такому малоисследованному вопросу как статус поэтического языка в философской герменевтике. Автор приходит к выводу о том, что Гадамер понимает язык как свершение герменевтического опыта (а не инструмент для передачи информации), предельным случаем которого оказывается язык лирического стихотворения благодаря таким особенностям как телесность и самореференциальность поэтического слова.

Ключевые слова и фразы: язык; поэзия; герменевтический опыт; выдающийся текст (der eminente Text); неперевоодимость; телесная реальность языка.

Козлова Мария Владимировна

Литературный институт имени Горького, г. Москва
maria_kozlova@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ГЕРМЕНЕВТИКЕ Х.-Г. ГАДАМЕРА: ЯЗЫК КАК ОПЫТ МИРА®

Ханс-Георг Гадамер известен, прежде всего, как основатель философской герменевтики. В отличие от своих предшественников, таких как Шлейермахер и Дильтей, Гадамер делает акцент именно на онтологическом аспекте герменевтики, которая является для него не столько методом гуманитарных наук, сколько учением о бытии [8, с. 419]. Основной вопрос герменевтики Гадамера: как возможно понимание? Ответ на этот вопрос вводит нас в «круг понимания», так как всякое понимание имеет своей предпосылкой другое понимание, и мы оказываемся включенными в традицию, понятую как опыт Другого, а наше отношение к традиции выражается в языке. Таким образом, основанием герменевтики Гадамера становится язык.

Вслед за своим учителем, Мартином Хайдеггером, Гадамер уделяет особое внимание статусу поэтического языка, и предметом его исследований становятся поэтические тексты. Особенность подхода Гадамера к языку выражается в том, что, в отличие от Хайдеггера, Гадамер делает акцент на герменевтическом опыте, рассматривая язык как традицию, с которой мы вступаем в диалог. Предельным случаем такого герменевтического опыта для Гадамера становится лирическое стихотворение, так как язык поэтического произведения обладает большей открытостью по сравнению с языком обыденной речи. Гадамер подробно рассматривает такие особенности поэтического языка, как равновесие звука и смысла, отсутствие внешней референции и многозначность, и приходит к выводу о том, что поэтическое слово не столько отражает опыт мира, сколько само является этим опытом, таким образом, поэтическое произведение следует рассматривать как событие герменевтического опыта.

1. Язык и герменевтический опыт

Онтология языка Гадамера разработана им в работе «Истина и метод», третья часть которой носит название «Онтологический поворот герменевтики на путеводной нити языка». Здесь Гадамер дает свое определение языка как «универсальной среды, в которой осуществляется само понимание» [3, с. 435]. Всякое понимание – это событие языка, которое Гадамер определяет не как застывшую структуру, но как живое движение языка: «способ бытия языка – речь, говорение, а говорящие – это все мы, хотя и не один из нас в отдельности» [7, с. 58]. Онтологический поворот герменевтики в философии Гадамера означает, что предпосылкой всякого понимания является язык как горизонт понимания.

В эссе «Человек и язык» Гадамер выделяет четыре основные характеристики языка, которые мы кратко обозначим как самозабвенность, интенциональность, игровой характер и всеобщность (универсальность) [19, р. 64-67].

Самозабвенность указывает на тот факт, что «структура, грамматика, синтаксис языка – все эти факторы, которые тематизируются в лингвистике, – не осознаются в живой речи» [Ibidem, р. 64]. Иными словами, язык как структура снимается в речи в пользу сказанного. Истинное бытие языка – не бытие структуры, так как оно заключается в том, *что* сказано в языке, то есть в том мире, который нам раскрывается в языке и только в языке. Опираясь на исследования В. фон Гумбольдта, Гадамер определяет язык как опыт мира: «...подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нем выражается мир» [3, с. 613]. Вслед за Хайдеггером, Гадамер предлагает отличать понятие «мир» от «окружающего мира», который представляет собой совокупность окружающих человека сущих. Для человека иметь мир означает иметь отношение к миру, который никогда не дан нам как целое, но всегда присутствует для нас как горизонт, как жизненный опыт, который, в свою очередь, выражает себя в языке. Выражение не означает просто словесное оформление, но обретение голоса, явление сущего. Вот почему Гадамер определяет подлинное бытие языка как «то, что сказано» [19, р. 65].

Другая основополагающая характеристика языка, по Гадамеру, связана с интенциональностью, то есть нацеленностью на разговор. Тот, кто говорит на языке, который не понятен никому, не говорит вовсе, так как говорить, по Гадамеру, означает обращаться к кому-либо. Отсюда вытекает основополагающее для философии языка Гадамера положение: язык обретает свое подлинное бытие лишь в процессе взаимопонимания, то есть в диалоге. Этот тезис сформулирован Гадамером в работе «Истина и метод»: «Весь язык в своем существе есть язык разговора» [3, с. 516]. В дальнейшем Гадамер уточняет, что понятие разговора не следует путать с понятием intersubjectивности, так как в герменевтическом разговоре речь идет не о взаимодействии двух субъектов, но о причастности говорящих самому разговору, о вовлеченности [17, р. 59]. Суть диалога состоит не в том, чтобы убедить собеседника, это не спор и не просто обмен мнениями, так как диалог – это, прежде всего, путь истины. Вот почему Гадамер говорит об удавшемся разговоре как о таком, который «оставляет что-то в нас, и это что-то изменяет нас». Гадамер, вслед за Хайдеггером, обращает внимание на то, что всякое понимание включает в себя момент самопонимания, то есть является не только теорией, но и практикой в смысле применения (к самому себе). Язык как разговор, с позиций герменевтики Гадамера, – это не столько хайдеггеровский разговор с бытием (или богами), сколько признание Другого, умение услышать и найти себя в Другом. Духовная реальность языка – это реальность духа, объединяющего «Я» и «Ты» [19, р. 67-68].

Язык как диалог может быть описан через концепцию игры (Spiel). Понятие игры – одно из центральных в герменевтике Гадамера, подробное описание этого концепта приведено в работе «Истина и метод», где игра рассматривается как способ бытия произведения искусства. В противовес субъективистской концепции игры Шиллера, Гадамер делает акцент на том, что играющие утрачивают свою субъективность и дают игре захватить себя, то есть речь идет о «десубъективации» опыта, который рассматривается как событие, захватывающее субъектов игры и влияющее на них [1, с. 37]. В работе «Истина и метод» Гадамер уподобляет игре опыт искусства, для которого характерно «движение туда и обратно, не связанное с определенной целью, которой оно заканчивалось бы» [3, с. 149]. В работе «Человек и язык» Гадамер говорит уже об игровом характере языка, уточняя, что игра связана с диалогом, так как в диалоге важна не субъективная воля говорящих, но сама суть дела, которая и ведет диалог.

И наконец, язык, по Гадамеру, обладает характером всеобщности (универсальности), то есть он не ограничивается исключительно сферой того, о чем можно сказать, но включает в себя также и область несказанного [12, с. 117]. Следовательно, любой диалог потенциально бесконечен. Как уже было отмечено выше, истинное бытие языка заключается в том, что в нем сказано, но то, что сказано, – это не вещь в себе, так как оно всегда отсылает за свои собственные границы, в область несказанного, всякое слово «позволяет присутствовать в настоящий момент его сказывания также и всему несказанному, с которым оно соотносится, отвечая или указывая» [3, с. 529].

Основываясь на вышесказанном, мы можем прийти к выводу о том, что Гадамер, вслед за Хайдеггером, отказывается от инструментальной трактовки языка как системы знаков. Язык, с точки зрения философской герменевтики, не является орудием для передачи мысли, кроме того, язык теряет свой субъективный характер, так как сущность языка основана на игровом характере диалога, в котором ключевую роль играет то, что сказано, то есть сама суть дела.

Язык, понятый не как застывшая структура, но как событие, связан не с человеческой субъективностью, но с понятием опыта (Erfahrung), так как, по Гадамеру, действительно-историческое сознание само «обладает структурой опыта» [Там же, с. 409]. Условием опыта является язык. Вслед за Гегелем, Гадамер рассматривает опыт диалектически, как процесс, причем процесс существенно негативный: «...опыт всегда есть, прежде всего, опыт недействительности: дело обстоит не так, как мы полагали» [Там же, с. 418]. Понятие опыта, таким образом, означает, что сознание, совершая поворот, познает в другом себя самого. То другое, к которому обращается сознание, это традиция (Überlieferung), понята как язык, так как она сама «заговаривает с нами, подобно некоему –Ты–» [Там же, с. 421]. Таким образом, герменевтика Гадамера отличается от фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера, основанной на «забвении бытия» в традиции западной метафизики, так как для Гадамера традиция – это не то, что следует преодолеть или деконструировать, но опыт Другого, с которым можно и должно вступить в диалог [11]. Язык как опыт Другого обладает диалектической структурой вопроса-ответа и имеет преимущественно спекулятивный характер. Это означает, что слова не просто высказывают

нечто о некоем сущем, но всегда обращены к целостности бытия, конечное слово всегда обращено к бесконечности возможного смысла. Спекулятивный характер языка не укладывается в логику высказываний, так как выходит за пределы мышления в представлениях и не подчиняется догматизму повседневного опыта.

2. Поэтическое слово как герменевтическое событие

Наиболее ярко спекулятивный характер языка выражается в поэтическом слове. Языковое свершение в поэзии является спекулятивным, так как поэтическое высказывание, так же как и слова обыденной речи, нацелено не только на выражение некоего сущего, но на целостность бытия. Особенность же поэтического высказывания связана с тем, что в нем с особенной силой присутствует возможность открытия «нового вида нового мира», то есть поэтическое слово обладает большей открытостью по сравнению со словами обыденного языка. Эта открытость делает слово чем-то большим, чем просто «коридором» между человеком и миром, так как оно – «ручательство и обеспечение того, о чем оно говорит» [7, с. 60], в поэтическом слове, по словам Гадамера, перефразировавшего знаменитую метафору Хайдеггера «язык – дом бытия», мы оказываемся дома.

В работе «Философия и поэзия» Гадамер формулирует основное отличие поэтического слова от обыденной речи, которое заключается в том, что поэтическая речь «обладает способностью замыкаться на себя и, материализуясь в отвлеченном —~~тесте~~», быть, тем не менее, высказываемым как бы автономно, «еоб-
ственной властью» [6, с. 117]. Это означает, что в отличие от поэтической речи обыденная речь, как правило, стремится к однозначности и приобретает свойственную ей разумность и определенность благодаря жизненной связи с некоторой ситуацией. Слова обыденной речи не покоятся в себе самих, они всегда направлены вовне. Говоря о поэтическом слове, Гадамер цитирует слова Валери, сравнивавшего, вслед за Гердером¹, поэтическое слово с золотой монетой, которая сама обладает стоимостью, которую символизирует. «Загадочное своеобразие» поэтического слова заключается в том, что в нем спонтанно осуществляется «эйдетическая редукция», то есть выведение за скобки опыта, полученного из реальности случайным образом. Опыт эпохи постоянно имеет место там, где мы сталкиваемся с искусством, и прежде всего с искусством поэзии, которое пребывает в идеальной, духовной реальности.

В одном из поздних эссе Гадамер вводит понятие «выдающегося текста» (*der eminente Text*) [18, S. 291] как такого текста, в котором ничего нельзя отделить, отбросить, так что такой текст требует от интерпретатора постоянного возвращения к себе (*Wieder-auf-den-Text-Zurückkommen*) для того, чтобы дать слово самому тексту. В таком тексте отсутствует отсылка к внешней реальности, которая позволяет трактовать истину текста как соответствие какому-либо «реальному» положению вещей. Текст поэтичен, если он не признает такого отношения к истине или, по крайней мере, не ставит такое отношение во главу угла. Иными словами, в этом тексте отсутствует референция, то есть соотносительность с внеязыковым миром, а значит, с индивидуальными и каждый раз новыми ситуациями и объектами [13, с. 420]. Таковы, по Гадамеру, все тексты, которые мы относим к художественной литературе. Гадамер задается вопросом о том, каким образом такие тексты связаны с истиной, если речь не идет о соответствии мысли и вещи. Ответ заключается в том, что сам текст – это изначально герменевтическое понятие, включающее в себя понимание, следовательно, объяснение нераздельно связано с поэтическим текстом. Такой текст желает быть прочитанным. Чтение – это не просто озвучивание написанного, но объяснение поэтического текста – это артикулированное исполнение чтения. Иными словами, для того чтобы понять поэтический текст, нам необходимо принять в нем участие. Полная равнозначность звука и смысла – вот что делает текст «выдающимся текстом».

Предельным случаем действия этого феноменологического принципа оказывается лирическое стихотворение, поскольку в нем в чистом виде воплощена неотделимость содержания от формы. В этом заключается то, что Гадамер называет непереводаемостью лирического стихотворения. Феномен непереводаемости связан с музыкальностью языка лирики, в котором в наиболее полной форме воплощается «равновесие звучания и смысла». Это означает, что поэтический язык наделяется в философской герменевтике Гадамера особым статусом, ведь, как мы помним, язык в целом Гадамер определяет не через форму, а через то, что сказано в языке. Формальная же структура языка снимается в обыденной речи в пользу того, о чем язык говорит. В поэзии же, напротив, ускользающее и затихающее слово удерживается «структурированием звуков, ритмов, рифм, вокализаций, ассонансов и т.д.» [6, с. 120], и отдельные слова достигают «излучающей силы». Этот феномен Джеральд Л. Брунс называет «телесной реальностью» (*corporeality*) поэтического языка [16, р. 2]. Признание телесности поэтического слова не означает признания Гадамером формалистского подхода к поэзии, потому как речь идет именно о неразрывности материальной и идеальной структуры слова, о «гравитационной силе слов», выражающейся в том, что «звуковое и смысловое движение языкового целого стягивается в нерасторжимое структурное единство» [5, с. 137]. Вот почему Гадамер критикует школу Романа Якобсона за односторонность подхода, который интересуется исключительно звуковой структурой поэтического слова и игнорирует «смысловую мелодию стиха», сводя понимание поэтического языка исключительно к его эстетической функции. Для Гадамера же важен тот факт, что смысл поэтического слова тесно связан с телесностью языка (*Sprachlich-Leibhaften*) [3, с. 211], и это позволяет Гадамеру говорить об «абсолютном совершенстве слова», то есть об отсутствии дистанции между чувственным явлением слова и его значением. Именно поэтому понимание поэтического слова всегда включает в себя внутреннюю речь, то есть необходимость

¹ Ср. Гердер: «...в устном и книжном торговом обращении мы пользуемся ходовой разменной монетой – специальными терминами, гражданскими и бытовыми выражениями, в то время как древние народы рассчитывались золотыми слитками. Они говорили образами, а мы, в лучшем случае, с помощью образов» [9, с. 126].

соприкосновения с формой слова¹. Эта мысль Гадамера созвучна высказыванию Валери о том, что «усматривать в ритмике, метрике и просодии нечто такое, что... отрывается от самого речевого высказывания» – всё это «свидетельства непонимания и бесчувственности относительно мира поэзии» [2, с. 399].

Другой особенностью поэтического языка в отличие от обыденного языка является его многозначность. В лирическом стихотворении ни одно слово не подразумевает то, что значит, но темнота текста – это не препятствие на пути к пониманию, а необходимый структурный элемент поэзии. Современную лирическую поэзию Гадамер рассматривает как наследницу поэзии барокко и полагает, что ее герметичность становится необходимой в эпоху массовых коммуникаций. Герметичность такой поэзии вовсе не означает упразднение смысла, скорее, речь идет о таком сгущении смысла, которое препятствует тому, чтобы исчерпать текст стихотворения одномерным пониманием, так как язык «благодаря многовалентности (*Vielseitigkeit*, по выражению Пауля Целана) каждого слова придает стихотворению как бы третье измерение» [5, с. 142]. И таким образом слову возвращается способность к называнию – с его помощью нечто постоянно вызывается к наличествованию. Гадамер полемизирует с филологом Гуго Фридрихом, утверждавшим, что радикальный разрыв между обыденным и поэтическим языком, произошедший во второй половине XIX века, делает лирическую поэзию всё более герметичной, так что «познание должно принять трудность или невозможность понимания за первый признак стилистической константы» [15, с. 22]. Для Гадамера это не так, так как что-то всегда понятно, и даже если в стихотворении нет ничего для узнавания, само слово начинает говорить. Гадамер сравнивает текст поэтического произведения с тканью, которая «сама себя зиждет», таким образом, понимание поэтического текста оказывается каждый раз событием рождения смысла. При этом, по Гадамеру, многозначность сама по себе является принадлежностью языка, просто в обыденной речи язык не осуществляет «саморепрезентацию» [4, с. 149], поэтому истинная сущность языка в обыденной речи от нас скрыта.

Из сказанного можно сделать следующий вывод: язык с точки зрения герменевтики есть опыт мира, а не средство для передачи опыта. Мир всегда присутствует для нас как горизонт понимания, но никогда не дан нам полностью как целое. Потенциально язык всегда устремлен к этому целому, но лишь в искусстве, а конкретнее, в предельном случае лирического стихотворения, язык способен максимально приблизиться к бесконечности этого опыта. Назначение поэта, по остроумному замечанию Поля Валери, «не сообщать о дожде», то есть не замыкаться в одномерности обыденного языка, который, как правило, снимает себя в пользу очевидного. И только поэтическое слово, в отличие от слова обыденного языка, не утрачивает себя, а парадоксальным образом достигает максимальной открытости (мира), замыкаясь на самом себе. Поэтическое произведение представляет собой «выдающийся текст», в терминологии Гадамера, то есть такой текст, в котором слово не утрачивает своей телесной реальности и не отсылает к случайностям внешнего опыта. С этой точки зрения поэтическое слово оказывается не рассказом о событии, но самим событием, а понимание поэтического текста оборачивается не реконструкцией или деконструкцией, но рождением смысла. В этом состоит основное отличие концепции поэтического языка в герменевтике Гадамера от предшествующей традиции, в том числе от онтологического статуса языка в философии Мартина Хайдеггера, что открывает новые пути для понимания поэтических текстов и для развития философской герменевтики.

Список литературы

1. Борисов Е. В. Игра как герменевтическая модель // Мысль: журнал Петербургского философского общества. СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2012. Вып. 13. С. 37-45.
2. Валери П. Вопросы поэзии // Валери П. Об искусстве. М.: Искусство, 1976. С. 382-400.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы филос. герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гадамер Х.-Г. Лирика как парадигма современности // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 147-155.
5. Гадамер Х.-Г. Философия и литература // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 126-146.
6. Гадамер Х.-Г. Философия и поэзия // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 116-125.
7. Гадамер Х.-Г. Язык и понимание // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 43-60.
8. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
9. Гердер И. Г. Избранные произведения. М. – Л., 1959. 392 с.
10. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
11. Коткавирта Ю. Философская герменевтика Х.-Г. Гадамера [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/texts/kotkav/kotkav.html> (дата обращения: 22.10.2013).
12. Патлач А. И. Философия языка Х.-Г. Гадамера: дисс. ... к. филос. н. М., 2011. 197 с.

¹ Следует уточнить, что «материальность» поэтического слова связана не только с его физическим звучанием, но и с тем, что Фердинанд де Соссюр называет «акустическим образом»: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим впечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств; акустический образ имеет чувственную природу, и если нам случается называть его «материальным», то только по этой причине, а также для того, чтобы противопоставить его второму члену ассоциативной пары – понятию, в общем более абстрактному» [14, с. 69]. Об этом же говорит Деррида: «Конкретность внутреннего существования, полагает Гуссерль, не нуждается в том, чтобы быть обозначенной. Оно непосредственно дано себе. Оно является живым сознанием. Поэтому во внутреннем монологе слово лишь репрезентируется. Оно может иметь место только в воображении (*Phantasie*)» [10, с. 30]. Иными словами, слово телесно не просто как звучащее слово живой речи, но как звуковой образ, присутствующий в сознании и (в случае поэтического слова) неразрывно связанный с выраженным в слове смыслом.

13. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 418-433.
14. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
15. Фридрих Г. Структура современной лирики: от Бодлера до середины двадцатого столетия. М.: Языки славянских культур, 2010. 344 с.
16. Bruns Gerald L. The Remembrance of Language: an Introduction to Gadamer's Poetics // Gadamer H.-G. Gadamer on Celan. Who am I and Who are You? And Other Essays. N. Y.: State University of New York Press, 1997. P. 1-51.
17. Gadamer H.-G. Conversation with Carsten Dutt. Hermeneutics // Gadamer in Conversation: Reflections and Commentary. New Haven – London: Yale University Press, 2001.
18. Gadamer H.-G. Der «eminente» Text und seine Wahrheit // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Tübingen: Mohr, 1993. Bd. 8. Ästhetik und Poetik. 1. Kunst als Aussage. S. 286-296.
19. Gadamer H.-G. Man and Language // Philosophical Hermeneutics. California: University of California Press, 1976. P. 59-69.

POETIC LANGUAGE CONCEPTION IN H.-G. GADAMER'S HERMENEUTICS: LANGUAGE AS WORLD EXPERIENCE

Kozlova Mariya Vladimirovna
Maxim Gorky Literature Institute, Moscow
maria_kozlova@mail.ru

The article considers the question about language in Hans-Georg Gadamer's philosophy. The novelty of the considered theme is in the fact that the author pays attention to such little-studied question as poetic language status in philosophical hermeneutics. The author concludes that Gadamer understands language as hermeneutic experience accomplishment (but not as information transfer instrument), the extreme case of which is lyrical poem language due to such features as the physicality and self-reference of the poetic word.

Key words and phrases: language; poetry; hermeneutic experience; eminent text (der eminente Text); untranslatability; language physical reality.

УДК 008

Культурология

Настоящая статья посвящена изучению качественного своеобразия межпарадигмальных этапов в познании макроистории, формирующих своеобразный «интеллектуальный фон», влияющий на создание авторских трактовок культурно-исторического процесса. В работе дается общая характеристика межпарадигмальной познавательной ситуации в макроисторических исследованиях. В контексте влияния межпарадигмального времени осуществлен анализ основных параметров познания макроистории. Теоретические положения статьи подкрепляются анализом макроисторических концепций, созданных на рубеже XIX-XX веков.

Ключевые слова и фразы: макроистория; историческая реальность; ноогенез; парадигма; межпарадигмальное пространство.

Леонов Иван Владимирович, к. культурологии

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
ivaleon@mail.ru

МЕЖПАРАДИГМАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОЗНАНИИ МАКРОИСТОРИИ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ®

Развитие научного знания о макроистории представляет собой достаточно сложный ноогенез, содержанием которого является поочередное доминирование тех или иных макроисторических теорий, дающих комплексное и «предельное» объяснение сущности и специфики культурно-исторического процесса. В частности, с течением времени и в силу ряда обстоятельств те или иные комплексы знаний о макроистории, принимая форму «единственно верных» трактовок исторической реальности, на некоторое время закрепляются в науке. Однако их господство рано или поздно ослабевает, и им на смену приходят другие комплексы, тем самым обеспечивая процесс роста знания в изучаемой области. Отмеченные моменты представляют собой своеобразные ситуации ноогенетической «переходности» и в системно-синергетическом видении предстают как решающие периоды, содержащие кумулятив, обеспечивающий дальнейшее развитие знаний. Соответственно, в настоящей статье осуществлена попытка рассмотрения качественного своеобразия познавательных ситуаций, возникающих в моменты смены ноогенетических доминант в развитии знания о макроистории. К отмеченным состояниям ноогенеза вполне уместно применить термин «межпарадигмальные».

Итак, изучение межпарадигмального пространства в процессе познания макроистории, в первую очередь, направлено на преодоление одностороннего подхода, господствующего в изучении основных этапов отмеченного